

Рефорум

Олег Петрович-Белкин

15 ПРИНЦИПОВ НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

РЕФОРУМ

2023

Введение

Настоящая policy paper – это вторая часть большого исследования, посвящённого внешней политике России. В [первой](#) мы рассмотрели особенности международного курса страны на постсоветском пространстве. Вторая часть ставит более глобальные цели – очертить контуры новой внешней политики демократической, поставторитарной России. Какой она должна быть, на каких фундаментальных принципах и ценностных основаниях строиться? Чего мы хотим добиться на международной арене и каково наше глобальное видение будущего?

Исследование разделено на две неравные части. В первой мы вкратце рассмотрим, как есть сейчас и как быть не должно – и в этом нам поможет новая официальная концепция внешней политики, буквально месяц назад, 31 марта 2023 г. опубликованная Министерством иностранных дел России.

Вторая, более обширная часть исследования будет посвящена альтернативе этому сомнительному внешнеполитическому проекту – 15 основополагающим принципам, на которых, с нашей точки зрения, должна строиться новая внешняя политика свободной, демократической и миролюбивой России. Принципы 1-4 являются сущностными, фундаментальными, отвечающими на вопрос, что необходимо сделать для исправления текущей губительной ситуации и возрождения авторитета России. Принципы 5-9 – скорее прикладные, они отвечают на вопрос, как достичь поставленных целей. Принципы 10-15 – ценностные, это те морально-этические нормы, установки, смыслы и идеалы, которыми Россия могла бы не только руководствоваться сама, но и продвигать на международной арене.

Мы искренне верим, что эти 15 принципов вполне осуществимы и способны стать основой цивилизованного и прогрессивного внешнеполитического курса нашей страны.

Часть I. Как быть не должно, или новая концепция внешней политики России с точки зрения Кремля

[Концепция внешней политики России](#), опубликованная 31 марта 2023 г., является собой концентрированное выражение того, каким образом российское руководство (т.е. фактически Кремль и лично президент Владимир Путин) видит международный курс нашей страны, его цели и основополагающие принципы, ценности и идеалы.

Будущее России и всего мирового сообщества с точки зрения этого документа выглядит противоречиво. С одной стороны, в тексте концепции говорится, что «продолжается формирование более справедливого, многополярного мира» и «необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счёт присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии». С другой стороны, эти якобы происходящие на международной арене перемены (наличие которых не доказывается, а лишь голословно постулируется) опять же якобы сталкиваются с «неприятием у ряда государств, привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неоколониализма». Данные государства, под которыми, естественно, подразумеваются «Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты» «отказываются признавать реалии многополярного мира» и предпринимают «попытки сдержать естественный ход истории, устранить конкурентов в военно-политической и экономической сферах, подавить инакомыслие».

Приведённое выше описание агрессивного, реакционного, реваншистско-ревизионистского внешнеполитического курса гораздо более применимо к самой России, руководство которой развязало крупнейший со Второй мировой войны конфликт на территории Европы. Однако собственные грехи и пороки проецируются на иных игроков. Так, вина за начало войны с Украиной в лучших традициях пропагандистской демагогии возлагается на США и их союзников: «Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая её самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа».

При этом внешняя политика России описывается исключительно в светлых тонах, как доброжелательная и прогрессивная – она, с точки зрения составителей документа, «носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права и стремлении к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов».

Ещё одно проявление двоемыслия – пассаж, посвящённый силовому фактору в международных отношениях: «Использование военной силы в нарушение международного права, освоение космического и информационного пространства в качестве новых сфер военных действий, стирание грани между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, обострение в ряде регионов застарелых вооружённых конфликтов увеличивают угрозу всеобщей безопасности, усиливают риски столкновений между крупными государствами, в том числе с участием ядерных держав, повышают вероятность эскалации таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну». Подобное утверждение вполне органично звучало бы из уст миролюбивого, пацифистского государства – но никак не России, собственноручно развязавшей войну, уже унесшую сотни тысяч жизней. А фраза «дестабилизирующие наращивание и модернизация наступательных военных потенциалов, разрушение системы договоров в сфере контроля над вооружениями подрывают стратегическую стабильность» – это абсолютный нонсенс: кто, как не Россия, совсем недавно, в феврале 2023 г. односторонне приостановила участие в [Договоре об ограничении стратегических наступательных вооружений](#)? Спустя некоторое время Владимир Путин даже озвучил планы по размещению тактического ядерного оружия на территории Беларуси.

Следующая цитата: «В целях поддержания и укрепления международного мира и безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание[...] использованию мирных средств, прежде всего дипломатии, переговоров, консультаций, посредничества и добрых услуг, для разрешения международных споров и конфликтов». В политических реалиях пост-февраля утверждать подобное можно лишь с изрядной долей сарказма.

Текст концепции полон и иных противоречий. Так, политика «коллективного Запада» (один из примеров политического новояза, о котором будет сказано ниже) и особенно «англосаксонских государств» объявляется источником экзистенциальной угрозы для суверенитета и целостности России, а также опасностью для всего мира. В частности, США провозглашаются «главным вдохновителем, организатором и исполнителем агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источником основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, справедливого и поступательного развития человечества». К имманентной враждебности российского режима по отношению к Западу мы уже привыкли, удивительно другое: в структуре региональных приоритетов России отношения с Европой и «англосаксонскими странами» почему-то занимают предпоследнее место – в тексте концепции они идут после «ближнего зарубежья» (имеется в виду постсоветское пространство), Арктики, Евразийского континента, Китая, Индии, Азиатско-Тихоокеанского региона, исламского мира, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна – аккурат перед Антарктикой, упоминанием которой и завершается этот длинный и трудно объяснимый с точки зрения логики список.

Возникает странная дихотомия: взаимоотношения с основным недругом, политика которого якобы является серьезнейшим «источником рисков» на международной арене, рассматриваются как крайне малозначимое направление внешнеполитического

курса России. Видимо, это проявление неких психологических комплексов, присущих нынешнему российскому руководству; в первую очередь – комплекса неполноценности: США и Европа вызывают у них одновременно и страх, и ненависть, и плохо прикрытую зависть, и желание максимально «уколоть» и унижить оппонента – пускай даже тем, что он, мол, не представляет для нас особой значимости. Это не концепция внешней политики – это гимн неудачников.

При всей бескомпромиссно агрессивной антиамериканской и антизападной риторике, нашедшей свое отражение как в новой концепции, так и в повседневной практике российской дипломатии, составители документа довольно иезуитски трактуют собственное отношение к оппоненту как вполне дружественное: «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга». Классика двоемыслия.

В концепции подробно говорится о некоем «всеобъемлющем партнёрстве и стратегическом взаимодействии» с Китаем и «привилегированном стратегическом партнёрстве» с Индией. Заявляется, что эти государства якобы располагают «принципиально совпадающим с российским подходом к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики». Насколько подобное утверждение соответствует истине и действительно ли Китай и Индия рассматривают Россию в качестве стратегического партнёра – очень неоднозначный вопрос. Речь идёт скорее о wishful thinking (т.е. принятии желаемого за действительное). Можно ли на подобных иллюзорных основаниях выстраивать внешнеполитический курс государства – ещё один риторический вопрос.

Важное место в тексте новой концепции уделяется защите традиционных ценностей (т.н. «духовных скреп») России, которые почему-то противопоставляются либеральным: «Распространённой формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений». Постулируется ещё одна ложная дихотомия, согласно которой традиционные ценности и либерализм якобы противоречат друг другу. Отсюда – откровенно заявленный ультраконсервативный, антипрогрессивный, предельно реакционный курс во внешней политике, направленный, по голословному утверждению составителей концепции, на «обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов». Подобное словоблудие в сочетании с совершенно нечитаемым стилем как нельзя лучше иллюстрируют очевидный ценностный дефицит современной внешней политики

России. Декларативных заявлений много, цельной и конструктивной идеи нет.

При этом отчётливо просматривается стремление России стать неким моральным компасом, ориентиром, позиционировать себя в качестве защитницы традиционных ценностей перед лицом «бездуховного» и «аморального» Запада, очередная реинкарнация идей «Святой Руси» и «Москвы – третьего Рима». Но XXI столетие – это век мягкой силы¹, а на откровенно реакционном и охранительном дискурсе невозможно выстроить эффективный международный курс успешного и процветающего государства.

Ещё одно серьёзное противоречие новой концепции внешней политики – максимальное расхождение между декларируемыми принципами и идеалами и реализацией заявленных целей на практике. Текст документа полон антиколониальной риторики и утверждений о необходимости обеспечить «верховенство права в международных отношениях». С точки зрения авторов концепции, «Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений, добросовестно выполняет свои международно-правовые обязательства». Но российское руководство на деле является основным ниспровергателем и разрушителем международного права, де-факто поставившим под сомнение его базовый принцип – неприменение силы для разрешения дипломатических противоречий. То же самое касается и навязчиво, из раза в раз повторяемой антиколониальной демагогии. На бумаге Россия якобы способствует «созданию условий для отказа любого государства от неоклониальных и гегемонистских амбиций», на практике сама руководствуется имперскими амбициями и [проводит явно гегемонистскую политику на постсоветском пространстве](#), в худших традициях прошлых столетий стремясь восстановить и абсолютизировать своё влияние на сопредельные государства. Российская агрессия против Украины – это ни что иное, как очевидный колониальный конфликт, попытка метрополии вернуть отколовшуюся и обретшую независимость территорию.

Составители новой концепции ратуют за «предотвращение гонки вооружений» и «повышение предсказуемости в международных отношениях», «создание и совершенствование механизмов обеспечения региональной безопасности». Возникает вопрос, каким образом эти популистские заявления совместимы с оккупацией и аннексией, противозаконным и насильственным присоединением частей сопредельного государства, с грубейшим попранием норм международного права и уничтожением мирного населения в ходе вероломно развязанных боевых действий? А уж «укрепление российского присутствия на мировых рынках» и «привлечение в Россию иностранных инвестиций, передовых знаний и технологий, высококвалифицированных специалистов» – это и вовсе утопия, совершенно недостижимая в условиях дипломатической изоляции и масштабных экономических санкций.

Несуразный стиль новой концепции полностью соответствует её содержанию. Нелепые пропагандистские штампы – «агрессивная» и «многолетняя антироссийская

¹ «Мягкая сила» – это способность достигать своих внешнеполитических целей не за счет насилия и принуждения («жёсткой силы»), а при помощи разнообразных культурно-гуманитарных, экономических, дипломатических и имиджевых инструментов.

политика», «русофобия», «недружественные иностранные государства», «глобальное доминирование», «псевдогуманистические и неолиберальные идеологические установки», «изошрённая неокOLONиальная политика», «гегемонистские амбиции», «скоординированная антироссийская пропагандистская кампания», «неонацизм», «фальсификация истории», «культурно-цивилизационная общность Русского мира» (орфография оригинала сохранена), «провоцирование государственных переворотов», «США и их сателлиты» – соседствуют в тексте документа с откровенным новоязом («специальные экономические меры», «коллективный Запад») и элементарной безграмотностью². Не будет преувеличением сказать, что новую концепцию внешней политики России можно разобрать на цитаты в качестве классики догматизма, казуистики и политического лицемерия.

Часть II. Как нам обустроить дипломатию, или 15 принципов новой внешней политики России

После погружения в тёмные архаичные глубины внешнеполитического сознания Кремля возникает чёткое понимание того, как быть не должно. Какова альтернатива? Мы сформулировали 15 фундаментальных принципов, на которых должна строиться внешняя политика новой России.

Принцип 1. Полный отказ от силового фактора в международных отношениях

Это самый главный, основополагающий принцип. Начало полномасштабной войны с Украиной в феврале 2022 г., огромное количество жертв и разрушений, всеобъемлющие экономические санкции, дипломатическая изоляция, катастрофическое падение авторитета России на международной арене, резкое обострение внутренних социально-экономических проблем и противоречий, установление жёстко авторитарного (а по некоторым критериям тоталитарного) режима, откровенно ксенофобская, шовинистическая военная пропаганда – всё это прямые следствия примата силы во внешней политике современной России. Стремление достигать своих целей при помощи давления и принуждения уже завело нашу страну в тупик, на выход из которого даже после крушения путинского режима потребуются годы.

Очевидно, что для преодоления нынешнего кризиса и вывода России из глобальной международной изоляции, а также возвращения ей статуса благонадежной

² Так, термин «англосаксы» и производная от него – «англосаксонские государства» в исторической науке применяются лишь для обозначения соответствующих племён и государственных образований V-XI вв., но не позже. Использование в концепции внешней политики России фразы «англосаксонские государства» антинаучно, лишено смысла и носит скорее жаргонный характер.

и заслуживающей доверия державы одного лишь прекращения боевых действий будет недостаточно (хотя без этого, разумеется, никак). Требуется надёжная гарантия, что подобное не повторится вновь, что в будущем Россия будет использовать исключительно мирные средства на международной арене. Поэтому ключевым принципом новой внешней политики должен стать полный отказ от применения силы. Миротворительный и доброжелательный внешнеполитический курс, готовность к взаимовыгодным договорённостям и компромиссам, осуждение прошлых актов агрессии и принуждения – это *sine qua non*, необходимое условие грядущего урегулирования, а если смотреть шире – ценностный, идейный фундамент, альфа и омега внешней политики новой, демократической России.

Отказ от силового фактора позволит значительно снизить международную напряжённость, восстановить, а впоследствии – и укрепить репутацию России, интенсифицировать торгово-экономические, дипломатические и культурно-гуманитарные связи со всем мировым сообществом. Этот подход будет свидетельствовать об уважении нашей страны к международному праву куда больше, нежели декларативные голословные утверждения, столь изобильно присутствующие в тексте нынешней концепции внешней политики России.

Прямым следствием первого принципа станет радикальное сокращение военных расходов и высвобождение дополнительных немалых средств на экономические, социальные и гуманитарные нужды. Следовательно, отказ от силового фактора – это весомый вклад в роста уровня жизни в России.

Переход внешней политики на позиции пацифизма должен быть официально закреплён на нормативно-правовом и законодательном уровне. Соответствующие положения нужно чётко и недвусмысленно прописать в Конституции, а также в ключевых внешнеполитических доктринах России – в частности, в той же концепции внешней политики, стратегии национальной безопасности и военной доктрине. Для должностных лиц (как действующих, так и в отставке), ответственных за нарушение данного принципа, должно быть предусмотрено наказание по всей строгости российского и международного законодательства.

Важным шагом на пути к продвижению миротворительного внешнеполитического курса не только России, но и иных членов мирового сообщества стало бы подписание всеобъемлющего международного договора, гарантирующего полный отказ от насилия как способа разрешения конфликтов – некоего аналога пакта Бриана-Келлога 1928 г.³, но с более действенными механизмами международного контроля, большей юридической силой и возможностью оперативного и жесткого воздействия на государства, вставшие на путь агрессии.

3 Пакт Бриана-Келлога – международный договор, подписанный в 1928 г. и провозглашавший отказ от войны как способа разрешения международных конфликтов. Назван по имени министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога, инициировавших подписание документа. Несмотря на формально обязательный юридический статус, пакт Бриана-Келлога по сути остался декларацией, не имевшей реальной нормативной силы, и не позволил предотвратить грядущую Вторую мировую войну. Современный аналог пакта Бриана-Келлога должен учесть ошибки и недостатки предшественника.

Принцип 2. Примат международного права

В новой концепции внешней политики России, сформулированной Кремлём, очень много и заунывно говорится о верховенстве международного права, которое якобы призвано служить «одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений». Эта очевидно расходящаяся с практикой демагогия дополняется и тем, что в Конституции РФ [формально прописано](#) положение о примате международного права над национальным (ст. 15, ч. 4)⁴. На деле все ключевые внешнеполитические решения Кремля (и в первую очередь – начало войны против Украины) напрямую противоречат фундаментальным международно-правовым нормам.

Поэтому отказ от применения силы и подлинно миролюбивый внешнеполитический курс (см. принцип 1) немислимы без создания действенных регулирующих и контролирующих механизмов, которые бы гарантировали реальное верховенство международного права и его примат над национальным российским законодательством. Для достижения этой цели необходимо формирование специальных наднациональных международных структур – возможно, под эгидой ООН или иных международных организаций, – которые бы при помощи мощных экономических и политических рычагов (например, в виде всеобъемлющих, глобальных, а не локальных санкций) принуждали бы страну-нарушителя к неукоснительному соблюдению международного права.

Возможно, сейчас столь смелое нововведение выглядит трудно осуществимым, однако есть надежда, что международный кризис, порождённый российским вторжением в Украину, станет наглядным уроком для всего мирового сообщества и повлечет за собой радикальное преобразование нынешней системы глобального управления, её перестроение на более справедливых и человеколюбивых началах.

Ещё одной мерой, призванной обеспечить верховенство международного права, должна стать гармонизация российского законодательства и его приведение в полное соответствие с международным. Для этого потребуются планомерное внедрение (инкорпорирование) международных норм в национальное право России. Поможет в достижении этой цели активное сотрудничество с ключевыми международными организациями – в первую очередь с ООН и её специализированными учреждениями, но не только. Необходимо будет укреплять связи с Европейским судом по правам человека, Международным уголовным судом (тем самым, который выдал ордер на арест Владимира Путина), Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ).

Верховенство международного права – это не сдерживающий фактор для нашей

4 Конституция Российской Федерации. Статья 15, часть 4: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

страны, не путы или оковы, не ограничение государственной независимости и суверенитета. Напротив, это добровольное и осознанное принятие на себя ответственности за будущее человечества, позиционирование себя в качестве полноправного, цивилизованного и миролюбивого члена мирового сообщества. Оно позволит снизить внешнеполитическую напряжённость и выйти из дипломатической изоляции. Новый международный курс России будет способствовать более действенной защите прав человека, экономическому росту и процветанию, привлечению иностранных инвестиций и успешной борьбе с внутренними и внешними угрозами. Это вполне конкретная и достижимая цель, осуществление которой благотворно скажется на жизни каждого гражданина России.

Принцип 3. Многовекторность и преодоление чёрно-белого мышления

По состоянию на апрель 2023 г. в [официальный список недружественных России стран](#) входит уже 49 государств – более четверти от общего их количества. Симптоматично, что в список входят почти все высокоразвитые постиндустриальные страны мира – США, государства ЕС, Великобритания, Норвегия, Швейцария, Япония, Канада, Австралия.

Таков плачевный итог внешнеполитического курса авторитарной России. Международный авторитет на нуле, дипломатические возможности «усыхают», подобно бальзаковской шагреневогой коже. Само деление государств на «дружественные» и «враждебные» является очередным пережитком прошлого, небольшим фрагментом той мрачной картины мира, которую российская власть обманом пытается навязать населению.

Альтернатива данному подходу – принцип многовекторности во внешней политике. Следует раз и навсегда отказаться от одномерного мышления времён Холодной войны – и вместо этого проводить сбалансированный, уравновешенный курс, направленный на развитие отношений с как можно большим количеством государств на международной арене. Со всеми, кто в этом так или иначе заинтересован. Ведь реальные национальные интересы России требуют конструктивного взаимодействия с самыми разными международными акторами⁵.

Преимущества многовекторного подхода очевидны. Во-первых, он позволяет диверсифицировать международные связи нашей страны – это касается не только политического, но и экономического, инвестиционного, технологического, культурного и гуманитарного взаимодействия.

Во-вторых, многовекторность – это минимизация внешнеполитических рисков. Если мы, как это происходит сейчас, сознательно отгораживаемся и противопоставляем себя

⁵ Акторами в теории международных отношений называются субъекты мировой политики – как государственные, так и негосударственные (международные организации, интеграционные объединения, НПО, НКО, структуры гражданского общества, транснациональные корпорации, национально-освободительные движения, религиозные организации, международные террористические группировки и т.д.).

четверти мирового сообщества (а если смотреть по экономическому потенциалу – более чем половине), то ожидать сколь-нибудь сбалансированного дипломатического курса не приходится. Как следствие, удельная ценность оставшихся партнёров (например, Китая и Индии) резко возрастает, и Россия попадает от них в чрезмерную зависимость. А учитывая, что список недружественных стран имеет тенденцию к пополнению, внешнеполитические риски растут в геометрической прогрессии. Необходимо проанализировать нынешний печальный опыт и не допустить его повторения в будущем.

В-третьих, многовекторный курс открывает для России новые горизонты. Это политика посредничества и «добрых услуг» (сколь бы странно и утопично это сейчас ни звучало), преодоление национальной замкнутости и отчуждённости, укрепление репутации на международной арене. Многовекторный подход существенно повышает потенциал мягкой силы России: чем больше внешнеполитических партнёров, тем выше вероятность отыскать и привлечь новых поклонников и почитателей нашей культуры.

В-четвёртых (и возможно, это самое главное), многовекторность – это синоним гибкости, большей приспособляемости России к динамично меняющейся внешней среде. Необходимо решительно отвергнуть жёсткую, полярную, антагонистическую систему мировосприятия, характерную для современной российской дипломатии. Гибкий многовекторный курс гораздо более подходит успешному, свободному и прогрессивному государству XXI века.

Принцип 4. Конкуренция как благо и самоцель: отказ от концепции сфер влияния во внешней политике

Вся внешняя политика России последних десятилетий – это бессмысленная попытка отгородиться, провести некие разграничительные «красные линии», которые бы отделили сферу влияния Москвы от конкуренции со стороны иных государств мира. Особенно ярко эта тенденция [проявилась на постсоветском пространстве](#), которое Кремль традиционно воспринимал своей зоной привилегированных интересов или, проще говоря, «задним двором» некогда могучей империи. Странам, которые имели несчастье попасть в сферу влияния России, фактически отказывалось в правосубъектности и наличии собственной внешнеполитической воли. С точки зрения российского руководства, суверенитет и независимость постсоветских государств – это иллюзия, которую стоит поддерживать лишь до тех пор, покуда Россия слаба и не способна восстановить прежнее единство империи (какой именно – в данном случае вопрос второстепенный).

Любые попытки стран, входивших в сферу влияния России, выстраивать независимый внешнеполитический курс воспринимались Кремлём крайне болезненно. Негодование российского руководства вызывала и политика иных «великих держав» (прежде всего ЕС и США), стремившихся развивать отношения с постсоветскими странами. Подобные действия расценивались Кремлём как пересечение уже упомянутых «красных линий», вторжение в его исключительную и единоличную сферу влияния.

В концепции внешней политики России употребляется выражение «Соединенные

Штаты Америки (США) и их сателлиты». Термин «сателлиты» или даже «вассалы» гораздо более применим к той форме взаимоотношений, которые Москва пыталась навязать сопредельным государствам. Захватническая война против Украины стала печальным, но вполне закономерным итогом подобного деструктивного курса – доведённой до абсолюта политики прямой или гибридной агрессии.

Эта стратегия привела Россию к политической и экономической катастрофе, и с ней должно быть покончено. Концепция сфер влияния уместно смотрелась в XIX-м и даже в начале XX века, но она никоим образом не применима к реалиям XXI столетия – эпохи глобализации. В её основе страх и неуверенность в собственных силах, боязнь потерпеть поражение в условиях открытой и свободной конкуренции. Типичная психология неудачников, свойственная российскому руководству и навязываемая им всей России.

Мы предлагаем навсегда отказаться от попыток навязать свою внешнеполитическую волю другим – в первую очередь сопредельным – государствам. Во внешней политике России следует руководствоваться принципом добровольности, а неограниченную конкуренцию с иными игроками воспринимать как благо и возможность, а не как экзистенциальную угрозу или вызов. Это путь к повышению эффективности внешнеполитического курса России. Конкуренции боятся слабые. С нашей точки зрения, Россия таковой не является.

Принцип 5. Децентрализация процесса принятия внешнеполитических решений

Главный порок авторитаризма в том, что в условиях максимальной централизации власти все слабости, ошибки и недостатки правителя неизбежно становятся критическими уязвимостями системы. Чем уже круг лиц, принимающих решения, тем выше процент субъективных, волюнтаристских, эмоционально окрашенных и откровенно иррациональных решений. Отсюда – крайняя нестабильность и непредсказуемость внешнеполитического курса Кремля, его подверженность резким колебаниям и неожиданным поворотам. В подобной ситуации ожидать сколь-нибудь значимых и долгосрочных успехов на международной арене не приходится – этому препятствует сама система власти.

Новой, демократической России потребуются масштабная и всеобъемлющая реформа государственных институтов. Механизм обсуждения и принятия внешнеполитических решений должен быть максимально децентрализован. Необходимо реальное разделение властей и подлинный управленческий плюрализм, мощное гражданское общество – ведь чем больше акторов и институтов будет вовлечено в административный процесс, тем сильнее принимаемые решения будут опираться на волю народа, тем качественнее, эффективнее и рациональнее будет конечный продукт – международная стратегия государства.

В новой России все ключевые внешнеполитические решения должны приниматься

исключительно на основе общенационального консенсуса, договорённости и компромисса. Только так они воплотят в себе коллективную волю широких слоев населения. Следовательно, в процесс принятия международных решений должны быть вовлечены не только центральные (МИД, правительство, федеральное собрание, президент), но и региональные органы власти. Предоставление им собственных внешнеполитических полномочий (например, для самостоятельного налаживания политических и экономических связей с регионами других стран мира) будет способствовать реальной федерализации страны и формированию полноценной системы сдержек и противовесов.

Помимо государственных и региональных органов власти, активное участие в формировании внешнеполитической стратегии России должны принимать структуры гражданского общества, неправительственные, некоммерческие и правозащитные организации, научные и академические круги, экспертное и бизнес-сообщество. Каждый гражданин России, вне зависимости от его рода деятельности, должен располагать реальной возможностью участия во внешнеполитическом процессе – посредством прямого волеизъявления (референдума или плебисцита по ключевым международным вопросам) или через представительские функции государственных институтов.

Такой демократический, децентрализованный, подлинно плюралистичный подход должен стать краеугольным камнем новой системы управления в России. В противном случае мы будем обречены на бесконечное повторение прошлых ошибок, на вечное воспроизведение тяжелейших международных кризисов, войн и конфликтов.

Принцип 6. От субъективизма и личностных связей – к системному институциональному диалогу

Одним из побочных и крайне деструктивных эффектов чрезмерной централизации власти является запредельная «субъективизация» внешнеполитического курса страны, его максимальная зависимость от воли первого лица и его приближённых. Такая система управления становится источником не только грубейших внешнеполитических ошибок, но и многочисленных когнитивных искажений, аберраций сознания, которые притупляют политический глазомер. Возникает феномен, известный как фундаментальная ошибка атрибуции: в действиях иных международных акторов личностные и субъективные факторы абсолютизируются, а объективные радикально недооцениваются. Проще говоря, нынешнее российское руководство, привыкшее единолично принимать ключевые решения, ошибочно полагает, что аналогичная система власти характерна и для других государств – а значит, залогом успеха на международной арене является не институциональный диалог, а выстраивание тесных личных связей с иными правителями.

Возможно, эта идея не была лишена смысла несколько столетий назад, когда в международных отношениях господствовали абсолютные монархии и хорошие отношения с правителем иностранной державы автоматически означали мир и дружбу между странами. Однако для современности эта концепция глубоко архаична: во всех цивилизованных и развитых государствах решения принимаются коллегиально, а роль

лидера зачастую номинальна или формальна: правитель – лишь первый среди равных.

Субъективистский подход во внешней политике чреват серьёзными международными рисками: прочные системные и институциональные связи с иными государствами попросту не устанавливаются по причине их мнимой ненужности. Есть дружба с правителем и представителями иностранной элиты, а всё остальное кажется неважным. Шаг за шагом отношения с иными международными акторами становятся всё более нестабильны и зависимы от внешнеполитической конъюнктуры, от разного рода случайных и непрогнозируемых событий.

Эта стратегия порочна и несостоятельна. В качестве альтернативы мы предлагаем иной подход – опору не на эпизодические контакты с лидером иностранного государства, а на системный диалог и долгосрочное институциональное сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами. Кулуарные договорённости должны уйти в прошлое. Их следует заменить на подлинно народную, публичную дипломатию, опирающуюся на интересы и потребности широких слоёв населения.

Для этого необходимо взаимодействие не только с правительствами и элитами зарубежных партнёров, но и со всеми, кто готов и желает сотрудничать с Россией. Речь идёт о представителях оппозиции и гражданского общества, коммерческих и бизнес-структурах, творческой и научной интеллигенции, инфлюенсерах и лидерах мнений, правозащитных и неправительственных организациях. Чем шире круг партнёров – тем прочнее и интенсивнее институциональные связи, тем шире поддержка России среди местного населения. Тем эффективнее внешнеполитический курс и выше авторитет страны на международной арене.

Принцип 7. Мягкая сила – главный инструмент достижения внешнеполитических целей

Фундаментальный постулат об отказе от насилия и принуждения во внешней политике, заявленный в принципе 1, подводит нас к вопросу об альтернативных способах и механизмах защиты национальных интересов России. Подлинно гуманистическим и одновременно эффективным ответом на этот вызов призвана служить политика мягкой силы, которая в настоящее время находится на задворках дипломатических приоритетов Кремля. Нынешнее российское руководство явно недооценивает инструментарий мягкой силы, рассматривая его лишь в качестве ширмы для собственных милитаристских, в полном смысле слова империалистических устремлений на международной арене.

Мы предлагаем сделать мягкую силу не просто важным, но ключевым, основополагающим инструментом, главным *modus operandi*⁶ российской внешней политики. Как и в прошлом, международная среда будущего будет балансировать между кооперацией и антагонизмом. Однако стремительные темпы научно-технического прогресса, постепенное распространение и удешевление оружия массового уничтожения

6 Способом действия (лат.).

(ОМУ) неизбежно превратят (и уже превращают) любые потенциальные вооружённые конфликты в экзистенциальную угрозу для всего мира. А значит, акцент в международной политике и дипломатии неминуемо будет смещаться в сторону несиловых методов кооперации и конкуренции, т.е. политики мягкой силы. Опора на неё вполне логична, дальновидна и как нельзя лучше соответствует духу времени.

России следует принять эти глобальные перемены как максимум, непреложное правило, новый дипломатический закон бытия. Тем более, что они открывают перед нами широчайшие перспективы. России есть что предложить миру. Выдающиеся научные и технические достижения, богатейшая самобытная культура, человеческий, творческий и созидательный потенциал, туризм, этническое многообразие и красоты природы – вот с чем должна ассоциироваться наша страна на международной арене. А отнюдь не с внешнеполитической агрессией, обскурантизмом, мракобесием и милитаризмом.

Принцип 8. Интеграция – добровольная и многоформатная

Один из важнейших элементов политики мягкой силы – активное участие в интеграционных процессах. В настоящее время Россия пытается развивать международное сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС, союзного государства с Беларусью и даже Содружества независимых государств (СНГ) (впрочем, реанимировать последний проект вряд ли удастся). В тексте новой концепции «раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур» формально заявлено в качестве одной из стратегических целей России.

Многоформатная интеграция с участием России существует скорее на бумаге, нежели в реальности. Причин много: это и дипломатическая изоляция России, и её чудовищная репутация на международной арене, и международные санкции, и попытки использовать интеграционные форматы в качестве очередного рычага давления на сопредельные государства.

Положение надо срочно менять. Интеграция – прежде всего в экономической и культурно-гуманитарной сферах – должна стать международным приоритетом, локомотивом новой внешней политики России. И строиться она должна на следующих основаниях:

а) абсолютная добровольность – любая форма давления, а также экономического и политического принуждения иных стран к интеграции недопустима;

б) уважение к суверенитету, независимости и национальным интересам государств-партнёров;

в) полное равноправие сторон, участвующих в интеграции; отказ от гегемонистского, шовинистического, великодержавного и имперского дискурса. Россия должна перестать позиционировать себя в качестве «старшего брата» и единоличного лидера интеграционных объединений, даже если по объёму экономики она значительно

опережает своих партнёров. В этом смысле очень полезным может оказаться анализ интеграционного опыта Европейского союза, в котором Германия и Франция не претендуют на роль «вершителей судеб» и гегемонов;

г) сочетание интеграционного и многовекторного подходов. Не стоит забывать, что у государств-партнёров России есть и иные международные приоритеты. Следовательно, их участие в интеграционном процессе – не карт-бланш на навязывание им своей внешнеполитической воли. Верно и обратное: России ни в коем случае не стоит замыкаться исключительно на региональной интеграции (например, на постсоветском пространстве) и при этом отказываться от осуществления собственного многовекторного курса (см. принцип 3). При этом постсоветское пространство должно оставаться главным направлением интеграции – как в силу многолетних исторических, культурных и экономических связей, так и ввиду наличия здесь уже сформированных интеграционных объединений (пускай и крайне неэффективных в настоящее время).

Сейчас перспективы евроинтеграции России (и тем более сопряжения европейской и евразийской интеграции – например, в формате ЕС-ЕАЭС или НАТО-ОДКБ) выглядят утопично. Но будущее России – на «большом евразийском» пространстве, включающем и территорию СНГ, и Европу. И этот постулат как нельзя лучше соответствует концепции многовекторности.

Принцип 9. Гармоничное сочетание прагматического и ценностного подходов

Нередко утверждается, что внешняя политика современной России мечется между двумя полюсами: прагматизмом (продвижением собственных национальных интересов на международной арене) и ценностным подходом (отстаиванием пресловутых «духовных скреп» и традиционализма). На деле всё гораздо хуже: международный курс нашей страны представляет собой сугубо волюнтаристскую и непредсказуемую конструкцию, которая бесконечно далека и от одного, и от другого. Фактически внешняя политика России висит в воздухе, не имея надёжной опоры – ни ценностной, ни прагматической. Отсюда – бесконечная череда ошибок.

На наш взгляд, выбор одного подхода в ущерб другому – это не решение, а паллиатив, консервация, а возможно, даже усугубление текущей проблемы. Опора исключительно на прагматизм и защиту национальных интересов сделает внешнюю политику страны конъюнктурной, оппортунистической, безыдейной, порой откровенно циничной. Подобный моральный релятивизм и беспринципность не позволят восстановить репутацию России на международной арене и нанесут грандиозный ущерб её политике мягкой силы. Иная крайность – сугубо ценностный подход без учета национальных интересов – грозит перерасти в идеализм и игнорирование экзистенциальных потребностей государства, догматизм и фанатичную приверженность идее (какой бы она ни была).

Оба варианта не сулят России ничего хорошего. Необходима гибкая международная

стратегия, гармонично сочетающая в себе элементы ценностного и прагматического подходов. С одной стороны – планомерная защита российских национальных интересов и укрепление позиций России в мире. С другой – чёткое понимание идейных основ, моральных и нравственных ориентиров внешней политики. Здоровый прагматизм в сочетании с осознанием недопустимости поступаться гуманистическими принципами, идя на компромиссы ради извлечения выгоды – вот фундамент нового международного курса России.

Ценности, которыми нам следует руководствоваться во внешней политике, мы перечислим в принципах 10-15.

Принцип 10. От изоляционизма и мессианской идеи – к активному участию в глобализационных процессах

Первейшей ценностной установкой новой России должен стать бесповоротный отказ от причудливо переплетающихся в нынешнем кремлёвском курсе изоляционизма, концепции национальной исключительности и мессианства. Всё это очевидные следствия страха конкуренции и неуверенности в собственных силах, а также попыток эту боязнь преодолеть либо путем отгораживания от окружающего мира (концепция сфер влияния, изоляционизм), либо посредством гиперкомпенсации – превознесения величия «русского мира» в ущерб прочим цивилизациям (идея национальной исключительности). Отсюда же – деструктивный внешнеполитический мессианизм, стремление навязать сопредельным странам собственную систему ценностей – те самые «духовные скрепы».

Альтернативой этой саморазрушительной стратегии является прекращение противопоставления себя миру – как в малодушно-уничижительном, изоляционистском, так и в мессианском, великодержавно-шовинистическом ключе. Россия должна осознать себя частью мирового сообщества и в тесном сотрудничестве с другими странами (ни в коем случае не в отрыве от них) принять ответственность за судьбы человечества. Не навязывать окружающим собственную систему взглядов и ценностей, а совместно с иными членами мирового сообщества размышлять над контурами и очертаниями будущего.

Идёт формирование единого экономического, политического и культурного пространства. Границы, веками и тысячелетиями разделявшие народы и цивилизации, постепенно стираются. Это объективный исторический процесс, отражающий моральную и материальную эволюцию человечества. Да, он несет определённые риски, но преимуществ, на наш взгляд, куда больше. Отгораживаться от мирового сообщества и противодействовать глобализации попросту глупо. Это борьба с ветряными мельницами, путь к цивилизационному поражению. Нам необходимо активно участвовать в глобализационных процессах, минимизируя их риски и абсолютизируя преимущества.

Как уже говорилось, России есть что дать миру. Культура, наука, богатейшая история, экономический и инвестиционный потенциал, туризм и освоение космоса – всё это может и должно стать нашим вкладом в развитие и процветание человечества.

Однако добиться этого и, как ни странно, познать саму себя Россия может лишь в тесном контакте с другими государствами.

Принцип 11. От национализма – к космополитизму

Изоляционизм и мессианство – лишь частные проявления откровенно националистических тенденций во внешней политике современной России. В качестве идейной основы они подпитывают и многочисленные акты агрессии и принуждения, осуществляемые Кремлём на международной арене, и неистовую милитаристскую пропаганду внутри государства.

Вся история человечества демонстрирует, что национализм – это крайне зыбкая и неустойчивая почва для возведения на ней фундамента внутренней и внешней политики. Ультрапатриотический дискурс и концепция национальной исключительности очень быстро вырождаются в откровенно ксенофобские или захватнические действия. Именно это и произошло с российским режимом в последние десятилетия. И безудержная пропагандистская риторика Кремля, постоянные поиски «нацистов» и «неонацистов» на территории иных государств мира не должны никого вводить в заблуждение: это не более, чем проецирование собственных человеконенавистнических взглядов и преступлений на других, попытка завуалировать и оправдать акты агрессии и экспансионизма.

Порочная связь между изоляционизмом, мессианской идеей, ксенофобией и шовинизмом должна быть разорвана. Национализм с его абсолютизацией этнических, культурных или цивилизационных различий должен безвозвратно уйти в прошлое. Философско-мировоззренческим базисом внешней политики новой России станет концепция интернационализма и космополитизма, идея общечеловеческого и общецивилизационного единства. Осознание принципиальной общности всех культур и народов, опора на универсальные гуманистические ценности и идеалы – вот рецепт успеха на международной арене.

Принцип 12. Россия как неотъемлемая часть европейской цивилизации

Наша культура произрастает из единого с иными европейскими странами корня – античной, греко-римской цивилизации. Эта общность проявляется в языке, письменности, религии, искусстве, традициях и обычаях, стиле жизни и особенностях мировосприятия.

Обособлять, а тем более противопоставлять себя европейской цивилизации, провозглашая собственную исключительность и уникальность, как это делает современное российское государство – значит катастрофически обеднять российскую культуру. Настаивать на «особом» цивилизационном пути России и некоей присущей нам «самости», попутно отрицая неразрывную и органическую связь с Европой, не просто антинаучно и антиисторично, но ещё и контрпродуктивно. Эта позиция больно бьёт по прошлому, настоящему и будущему нашей страны.

Необходим прямо противоположный подход – не обособление, не возведение физических или ментальных стен, а признание России неотъемлемой частью европейской цивилизации. У каждой из стран Европы есть собственное историческое и культурное своеобразие, свои особенности и неповторимая индивидуальность, и Россия здесь – не исключение. Однако это не должно заслонять очевидного факта: схожесть явно преобладает над различиями, общее – над частным, и только осознание этой истины позволит нам перейти от национализма к космополитизму и на этой основе выстроить тесные и дружественные отношения с иными членами европейской семьи народов и со всем мировым сообществом.

Это тем более важно, что в изоляции от Европы невозможно решить ни одну значимую социально-экономическую, гуманитарную или политическую проблему России – начиная от технологического отставания и заканчивая соблюдением прав человека и построением правового государства. Европа также нуждается в демократической России, которая в перспективе может и обязательно станет надежным партнёром ЕС в сфере борьбы с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, наркотрафиком и организованной преступностью (не говоря о потребностях экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества).

До известной степени речь идёт о частичной реинкарнации концепций «Большой Европы» и «общего европейского дома», сформулированных в годы перестройки, однако имеющих куда более глубокие идейно-философские корни (достаточно вспомнить «Европу от Атлантики до Урала» Шарля де Голля). Разумеется, эти внешнеполитические доктрины следует адаптировать к современным реалиям, однако в их основе должно лежать вневременное понимание: Россия и Европа гораздо сильнее и благополучнее вместе, нежели врозь. Путь России должен быть направлен в Европу, а не прочь от неё.

Принцип 13. Гуманизм и права человека. От дружбы с диктаторами - к союзу с народами

Императивом внешней политики России должна стать защита прав человека. Гуманизм – универсальная ценность, продвижение которой позволит существенно повысить эффективность мягкой силы России, внести вклад в решение многочисленных гуманитарных проблем современности, восстановить и укрепить репутацию страны. Правозащитный дискурс резко повысит привлекательность России в глазах граждан иностранных государств – как демократических, так и (особенно!) тех, где население по-прежнему страдает от угнетения, бесправия, произвола и тирании.

Новая, пост-авторитарная Россия вполне может стать образцом либерализации и демократического транзита для иных членов мирового сообщества, примером страны, успешно скинувшей ярмо деспотии. Для этого демократизация, либерализация, гуманизм и правозащитный дискурс должны стать не просто внутренними характеристиками, а частью международного бренда, имиджа России, т.е. продуктом на экспорт (разумеется, речь идёт исключительно об идеологическом, ценностном, а не силовом продвижении демократических принципов).

Дружба с народами, защита их прав и свобод на международной арене может привести к резкому ухудшению отношений с авторитарными, диктаторскими режимами по всему миру. Это – неизбежная издержка, вытекающая из самой сути ценностно-ориентированного подхода. Однако преимуществ от этой стратегии куда больше – она не только честнее и справедливее дружбы с сатрапиями и деспотиями, но и намного выгоднее в долгосрочной перспективе: после демократического транзита обретшие свободу народы и их правительства неминуемо станут союзниками и друзьями России.

Вот почему замена архаичной, затхлой доктрины легитимизма (т.е. концепции нерушимой поддержки действующих авторитарных режимов) прогрессивной идеей союза с народами должна стать одним из фундаментальных постулатов внешней политики новой России. Отсюда же вытекает уже заявленный ранее (см. принцип 6) тезис: при выстраивании международных связей России следует ориентироваться не только на правящие элиты, но и на гражданское общество государств-партнёров. Дружба с диктаторами должна уйти в прошлое. Наступает время союза с народами.

Принцип 14. Культ прогресса вместо «духовных скреп» и традиционализма

Нынешняя внешняя политика России являет собой само квинтэссенцию реваншизма, имперских амбиций и мракобесия. Ультраконсервативная концепция «духовных скреп», впервые озвученная В. Путиным ещё в 2012 г., с течением времени обрела внешнеполитическое измерение и превратилась из элемента внутренней пропаганды в неотъемлемую часть международного курса России. Так, слово «традиционный» в различных его вариациях встречается в концепции внешней политики России целых 15 раз (а, например, «демократизация» – всего 1).

Обскурантизм, неприятие всего нового, постоянная оглядка на прошлое – совершенно негодный фундамент для внешней политики. Россия должна позиционировать себя как государство, вносящее вклад в эволюцию и совершенствование международной системы, её перестроение на более свободных и справедливых началах – а не как страна-ретроград, непримиримо стоящая на пути прогресса и фанатично вцепившаяся в традиционные «скрепы».

Авангардный подход значительно укрепит позиции России на международной арене. Из друга фанатиков, ортодоксов и диктаторов всех мастей она превратится в прогрессивную силу, пользующуюся уважением и симпатией широких слоёв населения по всему миру. А это, в свою очередь, резко повысит эффективность международного курса страны, поможет в продвижении национальных задач и интересов. Следовательно, эта стратегия станет очередным примером гармоничного сочетания ценностного и прагматического подходов (см. принцип 9) и пойдёт на пользу каждому гражданину нашей страны.

Принцип 15. Политика исторической памяти, признание и осуждение прошлых ошибок

Современное успешное государство не может жить с постоянной оглядкой на прошлое. Однако это не означает, что новая Россия должна быть лишена исторической памяти. Напротив, нашей стране историческая рефлексия необходима как никому иному – особенно в контексте преступно развязанной войны против Украины.

Признание и осуждение прошлых ошибок должно стать делом чести для пост-авторитарной России. Раскрытие архивов, глубокий анализ трагических причин и предпосылок произошедших событий, факторов, подпитывавших милитаризм и агрессию на международной арене – вот на что необходимо обратить внимание в первую очередь. Не отрефлексировав и не осознав собственные преступления, мы не сможем двигаться дальше.

В отсутствие масштабной политики памяти все гуманистические, прогрессивные и миролюбивые инициативы новой России будут восприниматься мировым сообществом со скепсисом и недоверием. Это не только ценностный, но и вполне утилитарный вопрос.

Сказанное не подразумевает, что мы должны заниматься бесконечным самобичеванием и посыпать голову пеплом. В мире нет ни одной крупной державы, которая бы не совершала чудовищных ошибок и преступлений. Однако знать об ужасных и трагических страницах нашей истории необходимо. Знать всем гражданам, от мала до велика. Вот почему нам потребуются самые разные просветительские, образовательные, информационные и научные проекты; гражданские, государственные и международные инициативы, направленные на последовательную демократизацию и развенчание пропагандистских мифов. Не говоря о том, что все военные преступники и лица, ответственные за агрессию против Украины, должны понести наказание по всей строгости национального и международного права.

Без должного осознания прошлых ошибок мы обречены на их вечное и бессмысленное повторение. Стивен Кинг верно заметил: «Ад – это бесконечное повторение». Хотим ли мы столь мрачного будущего для нашей страны? Разумеется, нет.

Заключение

Мы сформулировали 15 принципов, на которых должна строиться внешняя политика новой России – демократической, свободной, открытой миру, дружелюбной и доброжелательной, готовой к сотрудничеству и стремящейся внести свой уникальный вклад в судьбы человечества. Разумеется, эти принципы лишь очерчивают контуры будущего международного курса нашей страны. Каждый из них может быть дополнен и прописан куда более подробно и основательно. Опираясь на эти положения, можно разработать и воплотить тысячи конкретных инициатив, которые пойдут на благо России и всего мира.

Конечная цель данного документа – помочь нашей стране найти своё место в мире. Остановить войну. Отринуть и осознать, отрефлексировать тяжкое наследие прошлого. Восстановить репутацию на международной арене. Прочувствовать общность судеб не только с ближайшими соседями, но и со всей человеческой цивилизацией. Вознестись над частными проблемами и противоречиями и узреть то, что всех нас, людей, объединяет – стремление к миру и согласию, страх войны, гибели и разрушений, жгучее желание счастья, свободы и процветания.

Это не просто исследование, это ещё и манифест. Манифест мечты и надежды – надежды на скорое прекращение братоубийства, примирение и освобождение от оков тирании.

Об авторе

Олег Петрович-Белкин – историк, публицист, писатель. Автор более 100 научных статей и нескольких учебников по истории международных отношений, а также философско-политического романа «Настоят». Преподаватель РУДН (до 2022 г.) и Свободного университета. Кандидат исторических наук.